

учитывать состояние здоровья человека и его уровень физической подготовки для рационального использования физических возможностей организма, чтобы физические нагрузки не принесли вреда здоровью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Настольная книга учителя физической культуры. Под ред. Л.Б. Кофмана. М., «Физкультура и спорт», 1998.
2. Л.А. Лещинский. Берегите здоро-

вье. М., «Физкультура и спорт», 1995.

3. Г.И. Куценко, Ю.В. Новиков. Книга о здоровом образе жизни. СПб., 1997.
4. В.И. Воробьев. Слагаемые здоровья. М. Просвещение, 2002 г.
5. И.П. Березин, Ю.В. Дергачев. Школа здоровья.
6. С. Л. Аксельрод Спорт и здоровье. М. Просвещение, 1987.
7. Евсеев Ю.И. Физическая культура. – Ростов, Феникс, 2004.

Бондаренко Ю.Я., кандидат философских наук, профессор,
Костанайский государственный университет им. А.Байтурсынова

О НАУЧНОМ ЗНАНИИ И МИФОТВОРЧЕСТВЕ

Предлагаемая работа представляет собой не столько целостную рецензию, сколько размышления, рожденные остро полемической и вызвавшей большой резонанс книгой Н.Э.Масанова, Ж.Б.Абылхожина и И.В.Ерофеевой «Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана (Алматы: Дайк-Пресс, 2007).

Книга, которая при тираже тысяча экземпляров почти сразу же после своего выхода стала раритетом, причем не столько из-за малого тиража, привычного для современных научных изданий, сколько из-за своей необычности, и в самом деле заслуживает размышлений и дискуссий. Авторы, словно следуя девизу древнерусского князя Святослава «Иду на Вы!», мужественно и даже отчаянно ввязываются в схватки с теми, кого, по их убеждению, следует отнести к творцам современных мифов. Причем делают это, не чураясь острейших вопросов.

Такого рода полемичность, готовность «идти поперек течения» уже сами по себе порождают живой и неподдельный интерес. Но значимость книги не только в ее полемической

энергии (энергия может выплескиваться и в поединках героев «Короля ринга», и, тем не менее, говорить о серьезном боксе здесь не приходится), а в концентрации внимания на методологических проблемах исторической науки, стремлении очертить границы, отделяющие собственно историю как науку от ее имитации.

При этом вполне понятна тревога авторов, обеспокоенных тем, что сегодня история нередко превращается в поле игры непрофессионалов либо в истории в целом, либо в тех ее подвидах, которые требуют особой подготовки. Что ж, тут в целом спорить не приходится. Ведь никто не будет утверждать, что кардиолог способен заменить гинеколога, а тренер футбольной команды тренера теннисистов. Точно так же и в истории. Самые высокие звания и должности не могут заменить специальных знаний в той или иной области конкретных исторических исследований.

Так, в третьей главе книги И.В.Ерофеева замечает, что «некоторые авторы-непрофессионалы и псевдолюбители истории, стремясь повысить убедительность своих версий для

влиятельной интеллектуальной элиты страны, сознательно или интуитивно применяют отдельные методы и приемы аргументации, принятые в науке, и тем самым внешне довольно удачно имитируют научный поиск». Однако, по мнению автора только что процитированных строк, можно среди особенностей «внеаучной историографии выделить, в первую очередь, следующее. Во-первых, «отсутствие у создателя исторического произведения ясного представления об истории как научной дисциплине, характера труда профессиональных историков и методов работы с историческими источниками». (Цит., как в тексте. – Ю.Б.)

«Второе важное отличие мифологических сочинений от научных трудов по национальной истории состоит в характере использования источников и методах извлечения из них конкретных исторических фактов. Для историков-дилетантов, создающих внеаучное историческое знание, как правило, характерен низкий уровень общей и профессиональной исторической эрудиции и чрезвычайно слабое знание доступных в его время первоисточников. При ознакомлении с мифологическими публикациями сразу же бросается в глаза преимущественное использование их авторами исторической публицистики, где изложение исторических фактов дается в сильно обедненном, утрированном либо искаженном виде; отсутствие в работе научно-справочного аппарата вообще; либо же, если таковой присутствует, то большую долю в нем составляют ссылки именно на историко-публицистические произведения». [1]

Вполне понятен и пафос авторов и их возмущение, когда речь заходит о модных ныне исторических поисках, которые почему-то кое у кого в России вроде бы совершенно логично приводят к выводу, что все от рус-

ских, в Украине – что, наоборот, все от украинцев, в Казахстане же – едва ли не к тому, что у истоков евразийской цивилизации были казахи, а иные исторические знаменитости ассоциируются с историей собственно казахов. Размышляя об этом Ж.Б. Абылхожин пишет: «Спрос рождает предложение, а потому мифотворения не заставляют себя долго ждать, переиначивая на потребу закомплексованному сознанию исторические реалии» или вообще «выбраковывая их в случае, когда они «не вписываются» в ложные схемы и инсинуации. Однако, как ни странно для «бегущих в мифологизированное прошлое», чувство комплекса неполноценности становится уже не только тайной состояния их души, но и начинает демонстрироваться всем.

В самом деле, не становится ли очевидным, что своего рода внутреннюю закомплексованность испытывают те авторы и их почитатели, которые усматривают «казахские параллели» с такими персонажами всемирной истории, как Чингизхан или наполеоновский король Мюрат, родословную которого связывают ... кыпчакским субстратом ... Неужели казахская степь не выдвинула свой пантеон выдающихся героико-эпических личностей? Конечно же, да! Но, вероятно, некоторых авторов не удовлетворяет их «исторический масштаб». В противном случае, для чего бы им вторгаться в историю других народов, «уводя в плен своих мифов» их великих кумиров». [2]

Итак, и позиция авторов, и их искреннее возмущение воинствующим непрофессионализмом и мифотворчеством вполне понятны и во многом рожают сочувствие. Правда, не всегда аргументация авторов представляется достаточной. Порой они приводят какие-то, особенно несуразные с их точки зрения положения, и этим ограничиваются, расценивая де-

монстрацию уязвимых на из взгляд положений, как самодостаточный аргумент. Но всегда ли это так?

Возьмем хотя бы полемику об «этнических параллелях» Чингизхана или Аттилы. Аналогичный спор могли бы вызвать и иные утверждения об этнической принадлежности знаменитого Бейбарса. Так, например, в комментариях к сжато русскому переводу всемирно известного труда английского историсофа А.Тойнби «Стадии эф хистори» говорится, что «есть предположение, что раб из тюркских степей Бейбарс «был русским». [3] Можно было бы и здесь возмутиться. А ведь вопрос еще и в том, в каком контексте звучит данное упоминание, что за ним стоит. Иными словами, любая критика конкретно-исторического характера нуждается в более или менее развернутых обоснованиях, ибо то, что кажется очевидным для автора, далеко не всегда очевидно читателю. Но как раз исторической конкретики мне и не хотелось бы касаться в этих сжатых заметках, ибо древняя и средневековая история требует специального анализа источников, и историографических исследований в каждом отдельном случае. Мне же хотелось бы остановиться не на собственно историографических, а на историсофских аспектах книги.

Прежде всего, это резкая оценка, данная Л.Н.Гумилеву. Так, уже на странице 42 говорится: «Давно известно, что миф устойчив и является вечным сателлитом [4] исторической науки, успешно мимикрируя под научное знание, ибо его структура сходна с научной теорией (многие изящные «социобиологизаторские концепции Л.Гумилева яркое тому подтверждение)».

Развернутая же критика, а, по сути, разгром Л.Н.Гумилева содержится во второй главе. «Еще в советское время с подачи «отца всех народов» И.Сталина и концептуально-идеологических схем Ю.В.Бромлея закрепились

ошибочная точка зрения о том, что именно этносы всегда были основными социальными структурами человеческого сообщества и человечество всегда существовало в форме этносов. Будто бы в первобытном обществе этносы функционировали в виде племен, при рабовладении и феодализме – в виде народности, а при капитализме и социализме в виде нации... [5]

Свою лепту в сталинскую концепцию этноса внес, как это не представляется парадоксальным, жертва сталинского террора известный географ и историк Л.Н.Гумилев. В соответствии с биологизаторскими схемами Л.Н.Гумилева, этнос – единственно возможная форма бытия Хомо Сапиенс. Он представляет этнос не в качестве продукта историко-культурного или политического развития, а как «феномен биосферы, или системную целостность дискретного типа, работающую на геобиологической энергии живого вещества в сочетании с принципом второго начала термодинамики», если проще, то в качестве живого организма. И Гумилев якобы открыл «закон развития, относящийся к этносам, как к любым явлениям природы». По Гумилеву, объект истории не индивид, а этнос, который наделен приматом относительно первого. Индивид – только частица высшей по отношению к нему субстанции – этносу. Этносы представляют собой закрытые целостности с особым мировоззрением и «стереотипами поведения» Инвазии (проникновения) в эти, должны быть закрытыми и замкнутыми, целостности иных мировоззрений и стереотипов поведения или даже их неких элементов ведут к разрушению «этнического организма», т.е. смешение культур равнозначно для этноса смерти.

Научная несостоятельность и дилетантизм этих и других надуманных на вольных «естественнонаучных параллелях» интерпретаций Л.Н.Гу-

милева давно вскрыты академической критикой. Однако его прозелиты, заблудившиеся как и их Учитель, в потемках фундаментального научного знания, продолжают апеллировать к его концепциям.

Труды Л.Н.Гумилева востребованы непросвещенным и ставшим до предела наивным и доверчивым обывателем. Последний, в отличие от сознательных «фанатов» Гумилева из среды ультра-патриотов, вряд ли понимает, что, очаровываясь экзотическими формулами типа «суперэтнос» или «пассионарность», «этнопаразитизм», «культурная несовместимость», подпадает под идеи нового (культурного) расизма, приходит к мысли «о реальном неравенстве, фатальной неустойчивости полиэтнических государств и даже «конфликте» цивилизаций», становится невольным адептом идей ксенофобии...

Миф по своей природе стремится имитировать исследовательскую практику и пытается апеллировать к тем же категориям, которые постоянно используются в исторической науке. Но, в противоположность последней, он обыгрывает их в извращенной, превратной форме... Гумилев по своему интеллектуальному уровню был, безусловно, намного выше всех современных мифологизаторов. Он – отец мифологии не с точки зрения методов, а содержания. Этот человек, если судить по его переписке, очень жаждал успеха, хотел публичности. Это желание нередко провоцировало его к игнорированию элементарных законов исторического исследования. Л.Н.Гумилев вторгся в сферу объектов многих наук, но когда касается истории, имеет смысл посмотреть хотя бы его сноски на использованную литературу. И здесь обнаруживается, что он почти никогда не использовал первоисточники, зато часто ссылаясь на случайные популярные работы... Но поскольку Л.Н.Гумилев к тому

времени стал уже незыблемым авторитетом, то он как бы всем дал понять, что каждый может делать все, что ему заблагорассудится. И с тех пор стало модным заниматься созданием этнических мифов. В последующем значительный вклад в процесс мифологизации истории внесли О.Сулейменов и академик Д.С.Лихачев, которые объектом своих интерпретаций сделали «Слово о полку Игореве».

Гумилевская идея биологизации природы этноса ... стала «теоретической основой пересмотра истории этничности многих постсоветских народов, удревления их истории... Как следствие, Л.Н.Гумилев был возведен на пьедестал и фактически был объявлен «богом от науки». Он стал буквально иконой для почвенников, его именем называли университеты и улицы...» [6]

Попробуем разобраться во всем сказанном по порядку. Начнем с того, что Гумилев, как «бог от науки», как идол или «икона», так же мало полезен развитию научного знания, как одетые в мундиры официальной государственной идеологии Маркс или Ленин либо кто иной. Хотя, увы, проблески такой идолизации можно было наблюдать не раз. Скажем, во время одной из не таких уж давних по масштабам истории телепередач «рядовой» ее участник заявил, что доверяет именно Гумилеву, а не иным советским историкам. Такое, конечно, крайность, ибо сегодня мы слишком хорошо знаем, к чему ведут утверждения о «единственно верном пути» и т.п.

Справедливо и замечание о так называемых «адептах» Гумилева, которые при большом рвении, но малом понимании сути способны приходиться к выводам, весьма странным с точки зрения науки, да и просто здравого смысла. Один из наглядных примеров такого «следования Гумилеву», в частности, дает работа Ж.К. Каракузо-

вой и М.П.Хасанова «Космос казахской культуры» с весьма показательными рассуждениями о «программе», которую, на их взгляд, должны отрабатывать казахи. [7]

Не бесспорны и многие суждения самого Л.Н.Гумилева, о чем не раз писал и автор этих строк. [8] Но тождественна ли не бесспорность мифологичности? И насколько вообще уместно говорить о жестких барьерах между наукой и мифологией в собственно научной полемике?

Предварить эти рассуждения хотелось бы комментариями к утверждению о том, что Гумилев, по сути дела, не опирался на достаточно солидные источники. Что ж, о его использовании первоисточников и т.д. судить узким специалистам. Но зачем же сгущать краски? Возьмите хотя бы «Ритмы Евразии» (М., 1993. – 575 с.). Здесь библиография включает 341 наименование; и, хотя много места уделено работам самого Гумилева, однако не обойдены и работы серьезнейших научных авторитетов – Бичурина Н.Е., Бартольда Е.В, Конрада Н.И. и др. Немало солидных изданий, причем, вышедших на разных языках, упомянуто и в книге «Древние тюрки» (М., 1993). Чтобы не быть многословным можно предложить любознательному читателю самому пролистать с этой же целью и «Древнюю Русь и Великую степь», опубликованную еще издательством «Мысль» в 1989 г.

Ну а как же быть с куда более серьезными обвинениями в мифологизации истории? – Вопрос непростой, и я не хотел бы тут рубить с плеча. Но, думается, что совершенно необходимо заметить: есть узкие, как лучи фонариков, подвиды науки, именуемой нами историей. Погружение в их глубины требует особой (в каждом конкретном случае) подготовки, скрупулезнейшего изучения источников и т.д. В этих, отдельных областях исто-

рии, могут быть и свои, достаточно масштабные исследования. Но при всей своей необходимости логики исторических процессов в целом такого рода исследования раскрыть не могут. У них иная задача. Проблемами же истории в целом занимается философия истории или историософия. А это, по своей сути, совсем иная сфера познавательной деятельности. Здесь уже в силу грандиозности проблем неизбежна умственная дорисовка невидимого взору «собственно историка», требуются и фантазия, полет мысли, порой отчаянный, который, если уж Вам угодно, можно было бы назвать и мифологизацией.

Уместно только вспомнить, что писалось и о фрейдовской мифологизации человека, об уязвимости грандиознейшего исторического полотна «пророка для яйцеголовых», то есть интеллектуальной элиты Запада, А.Тойнби. При желании можно вспомнить и что писал А.Шопенгауэр о Гегеле, чье творчество у нас принято считать вершиной немецкой классической философии и, пожалуй, объективного идеализма вообще. Например, следующее: «Гегель не только не имеет никаких заслуг перед философией, но оказал на нее крайне пагубное, поистине оупляющее, можно сказать, тлетворное влияние. Кто может читать его наиболее прославленное произведение, так называемую «Феноменологию духа», не испытывая в то же время такого чувства, как если бы он был в доме умалишенных, – того надо считать достойным этого места жительства». «Гегелевская философия состоит из трех четвертей чистой бессмыслицы и одной четверти нелепых выдумок». [9] Да чего уж так далеко ходить – вспомним «марксизм», учение, которое, по словам классика, «всесильно, потому, что оно верно». Где и когда в реальности была именно «диктатура пролетариата»? Почему загнивающий мир буржуазного Запада умудрился пережить СССР с его

лучезарным коммунистическим будущим? – Чем не гирлянда мифов?

Но почему же тогда, согласно опросу Би Би Си, проведенному в Интернете в конце XX века, то есть уже после распада Советского Союза и всего «социалистического лагеря», Маркс был признан первым мыслителем тысячелетия? – Выходит, затмение продолжается?

Думается, что не все так просто. Сила тех или иных идей, образов, тенденций всегда обуславливалась комплексом факторов. Прежде всего, это социокультурная ситуация в том либо ином регионе, стране, мире в какой-то период существования. Во-вторых, это так называемая раскрутка, пропаганда, целенаправленное распространение тех или иных идей, образов, произведений... теми, кто по каким-то причинам считает это целесообразным. И, в третьих, внутренние, подчас противоречивые свойства самих идей и т.д.

С этой точки зрения те же битлы – явление прежде всего социальное, а не музыкальное. Собственно музыкальные особенности их произведений вторичны по отношению к тем социокультурным процессам, которые развертывались в их время. Ведь, скажем, в том же СССР, тяготение к их музыке означало и приобщение к миру ценностей, альтернативных привычным, набившим оскомину. В какой-то мере, нечто подобное можно сказать и о Фрейде, который не случайно появился именно в ареале распространения пошатнувшегося к его времени христианства. Спорные идеи и образы Фрейда тем не менее совершенно бесспорно оказались теоретически оформленным вызовом целой системе социокультурных ценностей и связей, основанной на внешне строгом подавлении сексуальности.

Да и Гумилев достиг известности совершенно не случайно. В социуме, где идеологи и исследователи, согласно канонизированной традиции,

акцентировали внимание на классовых ценностях, он во весь голос заговорил об ином. И уже одно это будоражило мысль, побуждало ее двигаться в направлениях, выходящих за окаменевшие пределы официального марксизма. В этом плане уверенно говорить о том, что Гумилев внес свою лепту в утверждение сталинской концепции этноса, было бы, пожалуй, большим упрощением. Совершенно очевидно, что направленность изысканий Гумилева, их бурное движение не раз выплескивались из русла привычного советского академизма (при всех плюсах и минусах данного феномена) и тем самым делала привлекательными идеи Гумилева в глазах далеко не только самой примитивной в интеллектуальном отношении части советского населения.

Более того, если обратиться к ряду современных (или относительно современных) исследователей научного познания и, в частности, Фейерабенду, обосновывавшему положение о естественности и плодотворности плюрализма в сфере научных поисков и, соответственно, теоретических построений, то появление концептуальных изысканий Гумилева с их своеобразным языком является вполне естественным и не бесполезным для развития науки в целом. Только при этом уместно обратить внимание на то, что понятийный аппарат Гумилева, равно, как Тойнби, Гегеля и др. (речь идет не о сопоставительных масштабах творчества, а об особенностях понятийного аппарата в научно-философских гиперсистемах) – не комплект платоновских эйдосов, увиденных взором гения, а лишь инструменты познания. Теоретические же построения – не копии реальности, а блики бытия, схваченного живой и подчас очень субъективной человеческой мыслью. Иными словами (и здесь приходится отчасти повториться) при всяком выходе в сферу исто-

рических либо иных обобщений, как и при всяком взлете, исследователь, мыслитель в силу самой логики исследовательской деятельности вынужден отрываться от твердой почвы так называемых фактов. То есть наука, взлетающая к высям философских обобщений, что-то приобретает, но и нечто теряет с точки зрения требований той конкретной частной науки, которая явилась для нее взлетной полосой.

Если же, очень сжато, перейти к эвристическому потенциалу собственно идей Гумилева, его изысканий в целом, то и здесь есть над чем поразмыслить. Не касаясь того, что в этих изысканиях более либо менее удачно или наоборот, а то и вовсе кажется неприемлемым, хотелось бы заметить, что «биологизаторство», набег в владения далеких от царства истории наук далеко не прихоть жаждущего популярности чудака. В огромной мере это веление времени.

Ведь как развивались советские философские и исторические науки и как, по сути, они развиваются сейчас? В советское время, скажем, выделялись конкретные исторические науки, а также истмат, диамат, этика и т.д. Теоретически членами социалистического общества мир должен был восприниматься как единое, причем органичное целое. Фактически же, даже философы, которые должны были рисовать картины этого материалистически истолкованного «всеединства», все более зарывались в свои уютные диссертационные норки и норушки. Теоретически (и с высоких трибун Идеологии) о человеке говорилось, как о единстве биосоциального. А на деле? Этику и истматчику в своих диссертационных работах совсем не обязательно было всерьез вспоминать об этом. Таким образом, проблемы реального единства мира сами собой испарялись из «серьезных» – «диссертательных» научных изысканий.

Но они не могли испариться ни из науки, ни из самой жизни. И вот появился Гумилев со всеми его фантазиями, субъективностями «фишками» и вкупе с «русскими космистами» попытался напомнить нам, что мы – человечество – часть вселенной и биосферы. Так почему бы, не ограничиваясь декларациями, не попытаться исследовать это единство человека и мира природы?

При такой постановке вопроса, гумилевские понятия «пассионарность», «пассионарии» отнюдь не покажутся чересчур надуманными. Тем более, что истории человеческой мысли ко времени их появления были уже известны и бергсоновский «жизненный порыв», и тойнбианские понятия-образы «творческое меньшинство» и «подражание» – «мимезис». Показательно, что при этом «пассионарность» не является и простым переодеванием уже известного в новые словесные одежды, ибо идея пассионарности демонстрирует то, чего не было в так называемом идеализме – попытку нащупать сугубо природную основу человеческих страстей, человеческого потенциала.

Спорить здесь и критиковать частные слабости можно сколько угодно. Но остается фактом то, что все мы – своеобразные природные энергетические объекты. Мало того, все мы, как индивиды, еще и слагаемые иных, более сложных систем. В том числе и так называемых этнических. Действие наиндивидуальных факторов и «программ» сплошь и рядом можно наблюдать, сопоставляя особенности строения тела, энергетики, длительности физического роста и скорости полового созревания с одной стороны, и систем ценностей, направленности устремлений с другой.

Подытоживая, думается, было бы уместно сказать, что Гумилев, как и всякий идол – вне науки. Но Гумилев, как фонтан идей, пусть и спор-

ных, и не всегда четко очерченных, особенно с нашей привычной точки зрения, пожалуй, и самой науке необходимо ничуть не меньше, чем просто любителям сенсаций. Изыскания Гумилева – это отнюдь не поиски способа подсчета количества чертей на кончике иглы или ответа на вопрос о том, танцуют ангелы минуэт или вальс, а потому, при всей их спорности и прочем, они навряд ли могут быть безоговорочно отнесены к сфере мифотворчества.

С другой стороны, и у самих авторов интереснейшего издания можно без особого труда найти если не мифы в чистом виде, то, по крайней мере, тяготеющие к социальной мифологии клише, что, впрочем, на мой взгляд, их само по себе вовсе не унижает, ибо сражаясь с одними штампами и «мифами», все мы вольно или невольно, но частенько вынуждены опираться на штампы и мифы иного рода.

Приведу только несколько характерных примеров. Так, в главе первой «Мифологическое сознание и его суггесторы», упоминая о том, что СССР «являл собой великую индустриальную супердержаву» [10], профессор Ж.Абылхожин добавляет, что «Советское государство, если отвлечься от его социально-политических обозначений (тоталитарности) и придерживаться исключительно характеристик социокультурного плана, являло собой типичный образчик аграрного, традиционного общества», «базирующегося на доиндустриальных, то есть природообусловленных производительных силах». [11]

Отсюда иррационализм, определенная косность и ряд других феноменов социокультурного плана, включая и фанатизм, ибо «традиционализм – это фанатичная, почти что на уровне бессознательного апология прошлого, догматическая интерпретация его нерасчлененной целостности как един-

ственного мерила степени адекватности мышления и поведения». [12]

Мысль о возможности сочетания традиционализма и индустриальной мощи интересна и в духе времени. Но она при всей отягощенности языка терминологией явно не переварена и не проработана. «Аграрность» – то тут как раз и остается под вопросом. Да и вообще всерьез исследовать симбиоз элементов традиционализма, модернизма или, выражаясь языком Тойнби, футуризма в советском обществе, как мне представляется, можно лишь на более широком фоне, при сопоставительном рассмотрении этого феномена с социокультурными процессами в Японии, мусульманском мире, Китае...

Что же касается характеристик рыночной системы, как открытого общества, где «свобода индивида выступает интегрирующим началом», но при этом нет прежней предопределенности, то тут, увы, мы видим следование скорее модным и мифологизированным в годы перестройки шаблонам, а не собственно современный научный анализ.

Мягко говоря, не очень убедителен (хотя и довольно типичен для так называемого либерализма) и вытекающий из данной концепции следующий пассаж: «Вступая в этот мир, где все зависит не от силы группы, а от личности индивида, вчерашний советский человек, комфортно чувствующий себя в «материнской утробе» государственного патернализма, стал демонстрировать феномен бегства от свободы, столь классически описанный в свое время Э.Фроммом...» Одиночество, «страх перед изменившимся настоящим и неведомым ему будущим, «постсоветский человек» стал выражать иррациональное, на первый взгляд желание убежать от данной ему свободы и вернуться в «рабство», поскольку, говоря словами одного из литературного персонажей, «там хотя

и плохо и убить ни за что могут, но все-таки гарантированно кормили три раза в день». [13]

Эти, следующие «либеральной» моде, суждения напоминают слова Евг.Киселева, который во время одной из передач «Рожденные в СССР» противопоставил тех, кому дорога колбаса и кому ценна свобода. Любопытно, что, как правило, о приоритете свободы вальжно глаголют те, у кого есть и колбаса, и многое-многое иное из мира «низменных» материальных ценностей. По сути же, здесь поразительно быстро обветшавшие штампы (что, впрочем, к Фромму не имеет никакого отношения). В чем-то, наверное, возможности личной инициативы в последние десятилетия у кого-то и расширились. Но зависимость от «группы» никуда не исчезла, а кое в чем стала еще сильнее, да и убить могут, в том числе и ни за что. [14] И намного ли легче, оттого, что эти убийства, лишения, аферы и т.п. не будут напрямую связаны с государственным аппаратом? [15]

И уж совсем упрощенными выглядят модные в последние десятилетия суждения типа: «Фанатично уверовав в директивно-распределительную вне рыночную систему как единственно правильную модель общественно-политического устройства, большевистские радикалы провели огосударствление всей структуры отношений собственности, отбросив тем самым общество на обочину всемирно-исторической эволюции, обрекая его прозябать в плену иррационального бытия». [16]

Конечно, чрезмерное огосударствление ряда процессов, особенно в сфере распределения, имело немало негативных последствий. Но утверждать об отброшенности СССР на обочину мировой «эволюции» просто не серьезно. Ну не могла мощнейшая индустриальная держава просто прозябать где-то на обочине и при этом запускать космические корабли, иметь

довольно-таки достойную систему образования и (хорошо ли или плохо ли) оказывать колоссальное влияние на геополитическую ситуацию в мире...

Особого анализа заслуживают размышления авторов об изучении истории Казахстана в советское время. [17]

Небесспорными представляются и пылкие тирады о шаманизме ряда современных казахстанских «псевдокультурологов, псевдофилософов, псевдоэтнологов, псевдоисториков и прочих», пытающихся синтезировать ислам и тенгрианство, что, по мысли авторов, «означает фактический отказ от ислама». [18] Однако проблема взаимодействия и симбиоза религий чрезвычайно сложна и требует особого анализа.

В целом же перед нами во многих моментах очень спорная, но будоражащая мысль работа, которая при всех явных либо кажущихся слабостях представляется значимой для развертывания как собственно научных, так и более широких дискуссий историко-культурологического плана.

ЛИТЕРАТУРА

1. Н. Э.Масанов ... Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. – Алматы: Дайк-пресс, 2007, сс.157–159.
2. Там же, сс.39–40.
3. Тойнби А.Дж. Постигжение истории. – М.: Прогресс, 1991, с. С.699.
4. Правильно «сателлит». На латыни, откуда пришло это слово, оно буквально означает «спутник, слуга, сообщник», так что употребление его в данном контексте может показаться спорным.
5. Понятие «этнос» ввел в 1906 г. американский социолог У.Самнер, относящийся, согласно «Философскому энциклопедическому словарю» (М.. 1983, сс. 590, 812), к социал-дарвинистам, а также названный последователем Г.Спенсера. Автор труда «Народные обычаи», насы-

- щенного «большим этнографическим материалом», связанным с жизнью «примитивных» человеческих сообществ.
6. ... Научное знание и мифотворчество... сс.53–56.
 7. Алматы: Евразия, 1993, сс.13–14.
 8. Впервые суждения, направленные на альтернативное объяснение некоторых феноменов, истолковываемых Л.Н.Гумилевым с помощью идеи пассионарности, автор статьи попытался дать в комментариях к книге «Лики Судьбы», опубликованной в московском издательстве «Знание» в 1997 г. Однако, видимо, в целях экономии, редакция эти примечания сократила. Пришлось выпустить две брошюры, на основе которых появился раздел в книге «В лабиринтах истории» (Костанай, 2006). Позже была опубликована статья «Проблемное поле и эвристический потенциал идеи пассионарности». – В кн.: Современные тенденции развития мировой культуры и цивилизации. 1-я часть. Человек в мире культуры. – Новосибирск, 2007.с.18 – 30.
 9. Цит. по: Таранов П.С. 106 философов. Т.2. – Симферополь: Таврия, 1995, с.477.
 10. Указ. соч., с.13.
 11. Там же, с.15.
 12. Там же, с.24.
 13. Там же, с.29.
 14. Кстати, феномены клановости и т.д. упоминаются и в самом исследовании (с.30), где они названы «остаточными моментами традиционализма», что уж очень напоминает советские клише о «родимых пятнах капитализма». Иными словами проблема ощущается, но до подступов к ее серьезному анализу еще далеко.
 15. Возможно, одна из реальных и очень болезненных проблем тут в том, что и «свобода», и «рынок» (со всеми его издержками) по большому счету могут быть пусть не безусловной, но реальностью лишь при наличии четких правил игры. Ведь свобода – не дитя хаоса, а обратная сторона порядка.
 16. ... Научное знание ... с.14.
 17. См., напр.: сс.140–141.

Бондаренко О.Ю., магистрант,
Московский государственный университет

МУДРЕЦЫ НЕОНОВОГО РЕНЕССАНСА: БУНТ БЕЗУМИЯ В АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НОНКОНФОРМИЗМА

В издательстве «Ультра. Культура» впервые на русском языке вышла антология поэзии битников. Событие знаменательное во всех отношениях. Не может не радовать полнота собранного материала: в одном томе представлены не только стихи самых ярких и менее известных американских поэтов-нонконформистов, но и литературные манифесты, критические статьи. Стоит отметить огромный труд составителей, переводчиков и комментаторов (иногда приводятся несколько вариантов перевода, как,

например, в случае со знаменитым «Воем» Аллена Гинзберга).

«BEAT» далеко не единственное проявление интереса к американским авторам «неонового ренессанса» в России в последние годы. На сцене «Ленкома» с 2005г. идет постановка культового романа Кена Кизи «Пролетая над гнездом кукушки». Изданы переводы на русский язык более поздних романов и эссе писателя: «Порою нестерпимо хочется», «Демон Максвелла» и др. В 2000г. издательство «Амфора» опубликовало «Электропрохладительный кислотный тест»